

КОНЦЕПЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В «ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ» (1846–1860) С. П. ШЕВЫРЕВА

В статье проанализирована четырехтомная научная монография С. П. Шевырева. Впервые в русской науке ее автор прослеживает историю древней русской словесности, исследует ее вечные смыслы и культурное значение, утверждает мысль о единстве литературы древнего периода и Нового времени и о мировом значении русской литературы.

Ключевые слова: история древней русской литературы, периодизация русской литературы, мировое значение русской литературы.

N. V. Tsvetkova

THE CONCEPT OF LITERATURE IN «THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERATURE» (1846–1860) BY S. P. SHEVYRYEV

The four-volume monograph by S. P. Shevyryev is analyzed in the article. For the first time the author explores the history of the ancient Russian literature, studies its eternal meanings and its cultural meaning, and affirms the idea of unity of the literature of the Ancient Period and that of the New Period. S. P. Shevyryev also emphasizes the global importance of the Russian literature.

Key words: the history of the ancient Russian literature, the periodization of the Russian literature, the global importance of the Russian literature.

Монография С. П. Шевырева «История русской словесности», выросшая из курса публичных лекций, прочитанных им в 1844–45 уч. году в Московском университете, состоит из четырех частей, выходящих с 1846 года по 1860 год. Первая и вторая части были опубликованы в 1846 году под названием «История русской словесности, преимущественно древней» и охватили период от XI до первой четверти XIII века. Третья часть труда обнимает XIII — начало XV века и выходит в 1858 году. Четвертая часть монографии посвящена истории русской словесности до начала XVI столетия и издается в 1860. С 3-ей части меняется название: Шевырев убирает уточнение и его труд становится «Историей русской словесности». Название, таким образом, выявляет авторскую концепцию: история русской литературы начинается в глубокой древности. Заметим, что Пушкин в записях-планах «Истории русской литературы» 1829, 1834–35 гг. начинает ее с летописей, сказок, с осмысления литературного языка, с таких памятников древней словесности, как «Слово о полку Игореве» и «О Мамаевом побоище», и доводит до современности [10, с. 367–368].

Солидаризируясь с мнением Пушкина, в своей монографии С. П. Шевырев выступил антиподом современных ему общественных деятелей и критиков: В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, которые с недоверием относились к древнему периоду и считали, что история русской литературы начинается с эпохи Петра Великого.

В первой лекции и во «Введении» Шевырев говорит о замысле написать историю древней русской словесности, дает определение термину «словесность» как «совокупности произведений слова человеческого» или как «науке об этих произведениях» [14, с. VII]. Термин и в словаре В. И. Даля имеет тот же смысл: «общность словесных произведений народа, письменность, литература» [3, II, с. 255]. Приближается к далевскому определению слова «язык». У Даля читаем: «Народ — «язык» [3, II, с. 461]. У Шевырева: «Язык — внешний образ народа [14, с. IX].

Шевырев начинает монографию с вопроса о происхождении и особенности языка-первоисточника русской словесности, знакомит с фольклором, анализирует важнейшие письменные памятники до начала XVI века, формируя корпус текстов научной дисциплины, называет библиотеки, частные и общественные, монастыри и др. хранилища анализируемых источников, ведет полемику со своими научными оппонентами — учеными России и Европы (особенно славянских стран) и т. д.

В результате, как писал И. В. Киреевский [6, с. 173] и как принято считать в современной науке, Шевырев создает новую научную дисциплину [7, с. 325]. Понять масштаб и научный уровень монографии С. П. Шевырева можно при сравнении ее с существующими в этой области учебниками и учебными пособиями, используемыми в то время в российском преподавании: с книгами Н. И. Греча «Опыт краткой Истории Русской литературы» (первое издание 1822 г., 1830 г. переиздание) и М. А. Максимовича «История древней русской словесности» (книга первая, 1839).

Греч воспользовался «Словарем духовных писателей» митрополита Евгения, а Максимович конспективно на нескольких страницах в третьей главе первой книги изложил «Общее обозрение русских писателей и памятников словесности древнего периода», так и не продолжив своего замысла. Очевидно, что научный труд Шевырева основателен и обширен по изложенному материалу. Его научное значение признавали ученые-филологи, коллеги, ученики автора: Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, А. Н. Пыпин.

В первой лекции автор подробно говорит о новизне своего научного сочинения, в котором он, во-первых, опирался на последние достижения европейской филологической науки, стремящейся «представить *цельность бытия человеческого покамест словом*» [14, с. 13] (курсив мой — Н. Ц.) и обращавшейся в связи с этим как к поэтическим текстам, так и к самым разным памятникам: законодательным, религиозным, отражающим государственную жизнь то есть «жизнь народную». Примером такого отбора материала стал современный Шевыреву европейский научный опыт: труды польского поэта и филолога А. Мицкевича, французских историков литературы (Э. Кине, Ф. Шаля, Ж. Ампера), немецкого ученого Г. Гервинуса.

Во-вторых, учитывая этот опыт и включая огромное количество описываемых памятников из разных сфер русской жизни, Шевырев корректирует созданную им на рубеже 20–30-х гг. методологию исследования, основанную на синтезе исторического и эстетического анализов текста. Теперь, по его убеждению, «исключительно эстетические воззрения миновали» [14, с. 12], поэтому он заменяет «эстетическое изучение» на «теоретическое», соединяя его с «историческим», так как оба «способа изучения» «дополняют и совершенствуют друг друга» [14, с. XI]. Но при этом особенность методологии своего труда он видит все же в «историческом изучении произведений русского слова» [14, с. XI].

Методология Шевырева, несомненно, способствует возникновению в России культурно-исторической школы, один из ее крупнейших представителей и ученик

Шевырева академик Н. С. Тихонравов [1, с. 138–158] писал: «В настоящее время <...> история литературы вышла на широкое поле положительного изучения всей массы словесных произведений, поставив себе задачей уяснить исторический ход литературы, умственное и нравственное состояние того общества, которого последняя была выражением, уловить в произведениях слова постепенное развитие народного сознания <...> Отдельное литературное произведение эта наука перестала рассматривать как явление исключительное, вне связи с другими <...>» [11, с. 55–56].

«Историческое изучение» словесности в монографии Шевырева предполагает сопоставление словесности «с историческим потоком жизни народной», слежение «за развитием этой жизни» [14, с. XI]. «Теоретическое» изучение предполагает следующее: «вникая во внутреннюю сущность этих произведений, объяснять на них общие законы развития слова человеческого» [14, с. XI]. Историческая методология способствует выявлению в произведениях словесности наряду с временным значением вечного, что, по Шевыреву, определяет высшую их ценность. «Великая идея есть плод вечного», считает ученый, прозревая и ощущая эти интенции в русской словесности. Именно она, по его словам, «может в этом отношении подать руку помощи Русской Философии и подготовить решение многих задач, предстоящих сей последней» [14, с. XXI].

Шевырев уверен, что история русской словесности «возвратит права миру духовному и истинное значение тем вечным идеям человечества, которые отдельные народы проявляют в произведениях своего слова» [14, с. XXI]. А так как ценность произведения слова определяется вечными идеями, вечными смыслами, прежде всего связанными с человеком, с историей его духа, Шевырев считает, что в этом заключается мировое значение современных ему писателей: Пушкина, Гоголя, Карамзина. Не называя имен, он говорит и о мировом значении писателей будущих времен, творчество которых оплодотворится духовными смыслами и исканиями древней русской словесности, предчувствуя славу Достоевского, Толстого, Чехова.

Предмет исследования Шевырева — история русской словесности «как выражение жизни народной» [14, с. 14]. Он обратился к осмыслению его «духовно-душевной жизни», слагающейся из науки, искусства и «жизни гражданской и государственной» [14, с. 8], над которыми главенствует вера как «основа и крепость бытия народного» [14, с. 9]. В связи с таким пониманием истории словесности Шевырев делает предметом исследования «внутреннюю человеческую жизнь народа» со «всеми стихиями» [14, с. 10].

В понимании слова он исходит из православной культуры Древней Руси, в которой оно обозначало и язык и народ: «Нет ни народа, ни языка без произведений слова» [14, с. VIII]. Шевыреву важно заметить, что «Слово — дар людям от Бога», что оно, «как говорили древние, есть выражение самопознающей души человеческой» [14, с. VII] и что язык выражает «духовное существо» [14, с. VIII] народа. Он близок своему немецкому современнику В. фон Гумбольдту, утверждавшему, что язык «всеми тончайшими нитями своих корней <...> сросся с силой национального духа» [2, с. 47]. Близок Шевырев и православной святоотеческой традиции. И. Дамаскин, подводящий итог святоотеческому учению о Боге Слове, говорит: «Бог всегда имеет Слово Свое, Которое рождается от Него и Которое не таково, как наше слово — не ипостасное и в воздухе разливающееся, но есть ипостасное, живое, совершенное, не вне Его (Бога), но всегда в Нем пребывающее...» [4].

Такое понимание слова позволяло Шевыреву разрешить поставленную задачу: в пространстве древней Руси «представить *цельность бытия человеческого показанного словом*» [курсив мой — Н. Ц.] [14, с. 13].

Отсюда широта охвата исследуемого материала: памятники религиозной, исторической, культурной, гражданской, государственной жизни, собственно литературные. Обширный корпус древних памятников, принципиально важен Шевыреву: в «Истории русской словесности» он через слово пытается исследовать самопознание русского человека, его духовную составляющую, отличную от других народов. Так русская идея Шевырева определяет главную цель монографии, которая становится, по словам ученого, «своим словом в общем деле человеческого образования» [14, с. 14]. Закономерно, что А. М. Песков назвал русскую идею Шевырева «русской идеей русской словесности» [9].

Всю историю русской словесности от древности до современности ученый делит на два периода, «в промежутке которых живою огромною гранью стоит Петр Великий. В первом периоде Россия жила жизнью, в самой себе сосредоточенною, и почти исключительно погружена была духом в жизнь Веры» [14, с. 15].

Считая православную веру кодом русской ментальности, ученый рассматривает бытие православного человека древней Руси: его историческую, гражданскую, научную и культурную жизнь. В каждой сфере вера как вертикаль пронизывает и просвещает события, факты, словесные источники, в центре которых оказывается русский человек, национальный характер. Он проявляется и в характеристике языка, «самобытного члена этой всемирной семьи, необходимое звено в целой системе», на нем «говорили и говорят народы — двигатели человеческого образования» [14, с. 76]. Шевырев приходит к выводу, что «язык наш, во всемирном своем значении, есть язык народа, призванного сочувствовать всем другим народам мира и откликаться на их разнообразные звуки» [14, с. 79]. Он скажет также о «всемирной отзывчивости» современной ему русской литературы, имея в виду и Пушкина, к которому эти слова впоследствии относил Достоевский.

В первом периоде Шевырев выделяет 3 отделения «по месту действия, где совершалась жизнь народная» [14, с. 15]. Первое от IX до первой четверти XIII столетия «южное», «потому что Киев является средоточием русского образования», второе, продолжающееся XIII–XV столетия — «северное», т. к. вся жизнь «сосредоточивается вокруг Москвы» и третье «обнимает XVI–XVII столетия» «назовем северо-южным, потому что литературную деятельность» составляет «общение двух средоточий Русской жизни» [14, с. 15].

Шевырев рассматривает дописьменное народное творчество в обширном корпусе источников: песнях, пословицах, преданиях. Особое внимание его обращено к духовным песням, или стихам. Подробно он говорит о «Голубиной книге», в которой заключено священное предание русского народа, его сокровенные знания о сотворении мира, о Боге, о единстве телесной сущности человека с необъятным миром, о единстве ангельской и духовной сущности человека с Богом и т. д.

Письменность и письменная литература начинаются с деятельности Кирилла и Мефодия. Шевырев прекрасно осознает огромное значение Кирилла, известного средневекового ученого Константина Философа. Он понимает, что оно не только в азбуке и переводе Библии. Он считает, что первоучители Кирилл и Мефодий и их последователи «переводили святых Отцов: высокие творения Иоанна Златоуста,

Афанасия Александрийского, Иоанна Дамаскина», которые «становились доступны для народа на языке Славянском» [14, с. 177], а значит, «деятельность св. братьев представляла собой первый гигантский шаг в передаче славянам всей суммы знаний, накопленных Византией и полученных ею в наследство от античной цивилизации <...>» [16, с. 17–18].

Шевыреву важна мысль о роли для Древней Руси Византии, которая позволила, по словам современного ученого, «заложить <...> основы русской культуры, сформировать универсальный, а не локально или этнически замкнутый тип культуры» [13, с. 264]. Не случайно ученый, как можно видеть, постоянно подчеркивает мировой масштаб древних русских авторов, деятелей русской церкви и их творений.

Анализируя первый период древней словесности, Шевырев говорит о философском сочинении Илариона «Закон и Благодать» XI века, излагающего основные догматы христианства с опорой на творения Святых Отцов церкви: Иоанна Дамаскина, Св. Ефрема, Кирилла Александрийского. Шевырев осмысляет литературу, которая, по его твердому убеждению, определила духовную жизнь нации, особенности ее исторической судьбы, гражданской и политической жизни русского государства. Наряду с Иларионом он анализирует труды Феодосия Печерского, Якова Черноризца, Владимира Мономаха, Никифора и т. д.

В первом периоде древней словесности ученый выделяет летописца Нестора, олицетворяющего «личность самого народа русского». «Да, наш Нестор — это сама народная совесть, принявшая образ летописца; это народные уста, которыми высказалась первоначальная жизнь нашего Отечества» [14, с. 116–117], — пишет Шевырев. Он особенно ценит, что Нестор «летописью своею содействовал важнейшему событию в древней истории нашего Отечества: единению русской земли» и что она «имеет высокий нравственный смысл» [14, с. 126].

Среди памятников XII столетия выделены «Хождение» Даниила Паломника, в котором «мысль о гробе Господнем жила и тогда уже в народе русском и сливалась о Русской земле»; «Поучение Владимира Мономаха детям», которое «изображает несложную картину века» и «первое очевидное влияние Христианства на воспитание древнего Русского человека»; «Послание Митрополита Никифора к Владимиру Мономаху», которое «определяет отношения представителей Церкви к предрержателям светской власти»; «Слово Даниила Заточника», юмор которого «доказывает, что можно было у нас в XII столетии, разумным и смелым словом, снять с себя опалу Княжескую»; «Слово о полку Игореве», которое «вскрывает самую глубокую рану в жизни этого периода и высказывает чувство, наиболее господствующее в сердце народа» [14, с. 180–181]. Шевыреву важно увидеть и подчеркнуть, «что Словесность наша в этом столетии вступила в деятельную связь с современной жизнью» [14, с. 180].

Говоря о памятниках этого времени, Шевырев видит в них глубинную связь с вселенскими источниками: в «Поучении Владимира Мономаха детям» он замечает хорошее знание творений Василия Великого и ссылки на него, в послании митрополита Никифора — псалмов Давида, в «Слове Даниила Заточника» — притч Соломона.

Самое важное при осмыслении памятников древности — осознание их содержания как великого духовного и вечного нравственного в своем значении. При этом автор также осознает их важность и близость современному человеку. Вот почему так естественно для Шевырева видеть в характере юмора Даниила Заточника общее

субстанциональное чувство, сближающее древнего автора с Гоголем: «это чудное слияние плачущего смеха и улыбающейся грусти, которые находят примирение в светло-разумной мысли, выливающейся в самую простую народную форму — Русской пословицы, или Соломоновой притчи» [14, с. 235].

Таким образом, рассматривая первый период древней словесности, Шевырев выявляет ее высокий духовный и нравственный смысл, самую тесную связь с современным человеком и его жизнью и даже современную поэтологическую традицию, например, в области комического. Он прямо скажет об этом: «Так необходимо изучение этих первых начатков нашего Слова, которые снаружи кажутся незначительны, а между тем таят в себе первородные черты Русского духа и служат к объяснению многих явлений в Европейском периоде нашей жизни» [14, с. 243]. Актуальность мысли о единстве древнего периода словесности и литературы Нового времени подчеркнута им при обращении к двум последующим периодам древней словесности.

Несомненно, для Шевырева самым главным предметом исследования в древнем периоде русской литературы были памятники религиозные, что связано с объективными обстоятельствами. «В то время, когда создавалась «История русской словесности», — замечает В. М. Маркович, — была известна главным образом официальная (церковная и государственная) письменность допетровской Руси, такие пласты, как скажем, «отреченные книги» или бытовые повести, были открыты и изучены несколько позднее» [8, с. 35]. Однако авторская позиция очевидна, определена и обусловлена глубокой религиозностью ученого, спорящего со своим учеником Ф. И. Буслаевым, который «в то время резко отделял «религиозную» древнерусскую литературу от «народной словесности»», предпочитая последнюю [5].

А Шевырев именно в памятниках религиозных видел великое и вечное, что отражало национальное самопознание и определяло менталитет русского человека, выделяя его среди народов мира. Он подробно объясняет эту родовую черту особенностями русской истории и национального характера. Ученый доказывает, что в разные века исторической жизни главнейшую роль играет пустынножителство, которое, приходит с Афона и начинается на Руси Сергием Радонежским, «дело которого пошло по всем лесам великого севера России» [14, с. 63]. Оно продолжилось в судьбах Стефана Пермского, просветителя зырян, создателя их азбуки, переводчика русских священных книг, Иосифа Волоколамского, Нила Сорского с его «умным деланием» и других. Шевырев высоко оценивает эту исихастскую традицию, которая находила реализацию в «пустынях, являвшихся «плодом русской жизни в XIV веке» [14, с. 106].

«Высшим призванием» пустынножителей Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Дмитрия Прилуцкого и др. было создание монастырей, утвердивших великое духовное единство русского государства, ставших «очагами просвещения» [15, с. 77] литературы и культуры.

Шевырев считает, что «в главных представителях русской церкви, бывшей всегда верною Апостольским преданиям, отражается дух представителей Церкви первоначальной. В Сергии живет и деет по преимуществу мысль Ионна Богослова» [15, с. 79]. Слова Апостола Петра («паси овцы моя...») «олицетворил святитель Алексей в своей жизни. Стефан Пермский в своей проповеди и подвиге последовал стопам учителя языков, Апостола Павла» [15, с. 80]. Ученый утверждает универсальное значение деятельности представителей русской церкви. Тем более что в разные эпохи пастырями церкви являлись представители других государств, например в

15 веке Греция прислала на Русь Фотия в качестве митрополита московского, Болгария — Григория Цамблака в качестве митрополита киевского.

Главным делом представителей церкви стало духовное воспитание современников в жанрах слова, послания, поучения, проповеди, жития. Они просвещали человека Древней Руси творениями святых отцов церкви и особо чтимых отцов-пустынников (Е. Сирина, И. Сирина, И. Лествичника и др.) Шевыреву близок этический пафос их учения: их жертвенное служение Богу, их мысль о назначении человека, о его душе, об иноческой жизни, которую они называют «идеальной», «раем земным» [15, с. 188] в противоположность мирской жизни. Не случайно последние лекции (19–20) посвящены великим русским подвижникам: Геннадию Гонзову, Иосифу Волоколамскому и Нилу Сорскому.

Иосифу Волоколамскому принадлежит великая заслуга со второй половины XV века восстановить, по словам Шевырева, «общее житие в древнем его виде», возобновляя традицию Сергия Радонежского и продолжая дело Кирилла Белозерского. Это касалось прежде всего в «отсутствии собственности», «в строгом исполнении церковного устава в богослужении» [15, с. 89], в скромности еды и одежды. Но самая важная сфера — борьба за чистоту веры, за что Иосиф Волоколамский получил прозвание Просветителя. Изучая его творения против ереси (16 слов), Шевырев говорит о глубокой осведомленности их автора, приводящего доказательства из 40 церковных писателей, в том числе свидетельства из Патериков. Ученый говорит и о глубине творений Иосифа Волоколамского, о связи их со своим временем. Но гораздо важнее те мысли, «которые проникли в жизнь Русского народа» [15, с. 96] и которые прежде всего связаны с миром его духа и нравственности, о чем последние пять слов Просветителя.

Естественен интерес Шевырева к Нилу Сорскому, в своем духовном подвиге близкому Иосифу Волоколамскому и «связующему XV-е столетие с XVI-м в нашей древней словесности» [15, с. 113]. Однако в Ниле Сорском ученому в еще большей степени видна связь православия с вселенскими корнями, потому что он несколько лет провел в монастырях Афона и Константинополя. Создатель «безмолвного пустынного жития», «умной молитвы», «умного делания», автор творения «об осьми помыслах» — истинный русский философ, продолжатель вселенской традиции Кассиана Римлянина, Нила Синайского, Иоанна Лествичника, Симеона нового Богослова, Макария Египетского и др.

Иосиф Волоколамский и Нил Сорский объясняют духовную высоту человека древней Руси. И, по Шевыреву, их творения, общий пафос их трудов современны, интересны читателю Нового времени.

Понимая высокое значение религиозной литературы, Шевырев ценил и древнюю светскую. Обращаясь к ней, ученый показывал, что и в памятниках этой литературы, например, «Слове о полку Игорее», посланиях Ивана Грозного Курбскому, «Слове Даниила Заточника», в произведениях 15 века («Хождение за три моря Афанасия Никитина», исторические сказания, сказки и сказания) вопросы веры и духовности, отношения к отечеству постоянно встают перед героями. Они вызывают восхищение автора своей верностью и крепостью веры (Афанасий Никитин, Даниил Заточник) или порицание за гордыню (князь Игорь, Курбский).

Сквозь призму веры осмыслены также дела гражданские, политические, проблемы власти в истории Руси. Например, победа Дмитрия Донского, в которой сми-

рение и молитва — начало подвига, и его правление освещены светом веры, именем Сергия Радонежского и высшими политическими смыслами объединения и усиления государства.

По мысли Шевырева, в разные периоды истории «духовная жизнь, как внутренняя, предшествовала государственной, как внешней: первая вела за собою вторую, ее освещала и укрепляла» [15, с. 54]. Духовная жизнь способствовала развитию русского национального характера, который формируется и во взаимодействии с историей Руси, жертвенно спасавшей европейскую цивилизацию. Особенность ее географического положения определила постоянную готовность отражать «плоть народов кочевых, которые, в течение столь многих столетий, извергала на нас Азия, народов без мысли, без гражданского образования, несших только меч и огонь в наши пределы» [14, с. 238]. «Счастливей», по мнению ученого, «были народы Запада. Азия и на них послала свою силу <...> Арабы внесли науки и поэзию в Испанию и Прованс» [14, с. 239].

Особенно пострадала Русь, по мнению Шевырева, от двух с половиной веков татарского ига, следствие которого «следы грубости и произвола» в национальном характере, «от природы мягком и кротком» [14, с. 239], а также следы холопства. Но именно «позорное иго» способствует укреплению веры в русском православном человеке. В тот исторический период «русские люди», по словам ученого, «выше стали понимать призвание иночества. Тогда Русский, страдавший от рабства, достигал в обителях внутренней свободы и мог в уединении хранить и воспитывать нравственные силы для будущего, более счастливого времени» [14, с. 249].

При осмыслении русского национального характера он приходит к выводу о жертвенности как его главной составляющей. Ее он наблюдает как в исторической судьбе Руси, так в судьбах лучших ее представителей: пустынножителей (Сергий Радонежский, Иосиф Волоколамский и др.) государственных деятелей, (Дм. Донской, Борис и Глеб), да и вообще в русском человеке. В предисловии к 15 лекции он пишет о том, что «в древней своей жизни Русский человек, чувствуя выше всего духовное свое назначение, проложил духовные пути сближения и этому принес все на жертву: неужели же в новое время его потомок, пролагая пути сближения материального, позабудет о первых и для единства физического земли своей пренебрежет единством народным в духе?» [15, с. XV].

Так Шевырев стремится закрепить в современности понимание духовной сущности и жертвенного величия человека древней Руси, высокое значение ее литературных памятников, чтобы сохранить и утвердить связь времен, и, самое главное, вернуть своему современнику великое представление о себе. Эти интенции, как считает Шевырев, заложены в «Истории русской словесности», в текстах древнего периода, отвечающих до сих пор на животрепещущие вопросы жизни.

Ученый уверен, что «Русский народ в древнем периоде своей жизни задал себе главною задачею в произведениях своего слова указать пути для спасения души человеческой <...> На этих книгах основано религиозно-нравственное могущество России, без которого ни реформа Петрова, не все за ней последовавшие и вновь ожидаемые не имели бы своего правильного и прочного развития» [15, с. IX].

Литература

1. Гришунин А. Л. Культурно-историческая школа // Академические школы в русском литературоведении. М.: Наука, 1975. С.138–158.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1984.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. Изд. 2. М., 1882.
4. Дамаскин И. Точное изложение Православной веры. Кн. 1, гл. 6. Цит. по: <http://www.saint-fathers.org/ioann-damaskin-tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoy-veryi-kniga-1-slushat-onlayn-chitat-skachat-mp3-pdf-doc-txt.html>
5. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3 томах. Т. 2. Статьи и рецензии 1859 / Сост. и прим. В. А. Викторovichа и Г. В. Краснова. М., 1987. Цит. по: <http://shevyrev.ouc.ru/istoria-russkoj-slovesnosti.html>.
6. Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: «Современник», 1984.
7. Манн Ю. В. Историческое направление литературоведческой мысли 1830–1840 годы) // Возникновение русской науки о литературе. М.: Наука, 1975.
8. Маркович В. М. Уроки Шевырева // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М.: Высшая школа, 2004.
9. Песков А. М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VII. Л.: Наука, 1978.
11. Тихонравов Н. С. Объявление о начинающемся издании «Летописей русской литературы и древности» // Библиографические записки. 1859. II.
12. Цветкова Н. В. Отклики об «Истории русской словесности» С. П. Шевырева в журнале «Современник» (статья первая) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2013): в 2 ч. Ч. 2: Литературоведение: сб. научн. тр. СПб: СПГУТД, 2014. С. 100–107.
13. Шаповалов В. Ф. Основы философии. От классики к современности. Уч. пособие для вузов. М.: ФАИР - ПРЕСС. 2001.
14. Шевырев С. П. История русской словесности. Ч. 1-2. Изд. 2. М., 1859–1860.
15. Шевырев С. П. История русской словесности. Ч. 3–4. Изд. 2. СПб., 1887.
16. Экономцев И. Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992.